

РЕСТАВРАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ: ДИНАМИКА ПОДХОДОВ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-173-182>

Сали АЗАР,

аспирант Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: sazar@sfnedu.ru

Максим Андреевич РОМАНЕНКО,

кандидат философских наук,
доцент Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: mromanenko@sfnedu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению подходов к реставрационной деятельности в историко-культурном контексте. Авторы полагают, что реставрация – это не просто совокупность технических средств и методов укрепления и восстановления поврежденных памятников культуры и искусства, а что особенно значимо – еще один рефлексивный способ обращения с культурным наследием, наряду с историей и памятью. Именно поэтому представляется важным обратиться к динамике теоретических концепций, задающих содержание и рамки реставрационных стратегий. Такой ракурс позволит понять не только, каким было отношение к культурному наследию в разное время, но и какие ценности создаются и транслируются через сохраняемые и реставрируемые артефакты. Выстроив эволюцию ключевых концепций реставрации – от зарождения практики до современной научной реставрации, авторы смогли проследить, как менялась ее ценностно-символическая нагрузка. В результате долгих поисков и дискуссий сформировалось представление о том, что реставрируемый объект является носителем памяти, а потому важно найти баланс между «аурой подлинности» (В. Бенямин) и культурным значением.

Ключевые слова: реставрация, культурное наследие, объект культурного наследия, артефакт, стилистическая реставрация, романтическая реставрация, память, история, прошлое.

Для цитирования: Азар С., Романенко М. А. Реставрация как культурный проект: динамика подходов // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №2 (53). С. 173–182. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-173-182>

RESTORATION AS A CULTURAL PROJECT: DYNAMICS OF APPROACHES

Sali Azar,

postgraduate student
of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: sazar@sfnedu.ru

Maxim A. Romanenko,
CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: mromanenko@sfedu.ru

Abstract. The paper considers restoration activities in the historical and cultural context. The authors proceed from the position that restoration is not just a set of technical means and methods for strengthening and restoring damaged monuments of culture and art. This, which is especially important, is another reflective way of dealing with cultural heritage, along with history and memory. That is why it seems important to turn to the dynamics of theoretical concepts that define the content and framework of restoration strategies. This perspective allows to understand not only what the attitude towards cultural heritage was at different times but also what values are created and transmitted through preserved and restored artifacts. Having built up the evolution of the key concepts of restoration – from the origin of practice to modern scientific restoration, the authors were able to trace how its value-symbolic load changed. As a result of long searches and discussions, the idea was formed that the object being restored is a memory carrier, and therefore it is important to find a balance between the «aura of authenticity» (Walter Benjamin) and cultural significance.

Keywords: restoration, cultural heritage, cultural heritage object, artifact, stylistic restoration, romantic restoration, memory, history, past.

For citation: Azar S., Romanenko M. A. Restoration as a cultural project: dynamics of approaches. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2024, no. 2 (53), pp. 173–182. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-173-182>

Культурное наследие стало тем философско-культурологическим концептом, без которого разговор о прошлом как в академическом дискурсе, так и вне его стал уже невозможен. Ведь через этот концепт можно осмыслить место и роль человека в мире, раскрывая суть таких важных культурных феноменов как связь поколений, традиции, преемственность, ценности, идентичность и многое другое. Понимая культурное наследие в целом как массив или субстрат человеческой культуры и исторического опыта, мы тем не менее не считаем его чем-то незыблемым и неизменным, не подлежащем переосмыслению. Новые трактовки зависят от тех функций, которые наследие выполняет в актуальной ситуации, что безусловно смещает ракурс рассмотрения. Ключевыми здесь выступают две функции – познавательная и мемориально-коммеморативная. В первом случае о наследии речь идет как об источнике сведений, позволяющем нам получать представление о прошлом, а во втором – как о способе фиксации и передачи этих представлений. Указанные функции, по сути, помещают наследие в плоскость двух важнейших форм обращения с прошлым – памяти и истории [8, с. 21]. Однако кроме них существует и третья форма «трансмиссии и производства прошлого» в настоящем [11] – реставрация. Причины появления этой третьей формы как области манипуляций над материальностью были вполне объективными, поскольку артефакты, из которых и складывается культурное наследие, часто находятся в угрожающем состоянии из-за различ-

ных факторов – воздействие времени, человека или окружающей среды, способных привести к необратимым последствиям. Отсюда и вытекает особая актуальность вопросов защиты и сохранения объектов культурного наследия. Однако кроме материальной стороны, реставрация связана и с ценностно-символическими аспектами наследия вообще и конкретных памятников в частности. В связи с этим к важным задачам теории реставрации на современном этапе можно отнести не только поиск наиболее совершенных методов и инновационных технологий, применяемых в работе, но и разработку концептуальных подходов, задающих ценностное измерение этой деятельности. Последнее можем быть особенно полезно в контексте актуализации культурного наследия, важность которого для сохранения национальной и культурной идентичности неоспорима.

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии динамики теоретических концепций, задающих содержание и рамки реставрационных стратегий. Этот ракурс позволит понять не только то, каким было отношение к культурному наследию в разное время, но и то, какие ценности создаются и транслируются через сохраняемые и реставрируемые артефакты.

Исторические корни реставрации как особой культурной практики восходят к Возрождению – эпохе, возводящей свои идеалы и ценности к Античности. Это выражалось в особом интересе к классической древности: восхищением образцами как ее духовной (философия, литература, история), так и материальной культуры (архитектура, скульптура, предметы прикладного искусства и т. д.). Последние становились объектом коллекционирования, а в этот процесс постепенно вовлекалось все больше представителей европейской знати и духовенства. Интерес к собирательству древних артефактов в XIV–XV веках проявляли даже при папском дворе, при содействии которого учреждались охранные ордена и даже проводились раскопки. Ренессансные мастера и художники, в свою очередь, черпали вдохновение в образцах античного искусства. Так стала зарождаться традиция изучения древних памятников, в которых, кроме их утилитарного значения, увидели и другую – эстетическую и мемориальную – ценность.

Это был поворотный момент в восприятии древних памятников. Вместе с исследовательским интересом возникла потребность сохранять и хотя бы частично восстанавливать поврежденные античные здания, скульптуры, другие предметы искусства, что в конечном счете привело к появлению реставрационных работ в их зачаточном виде. Реставрацией в сегодняшнем представлении эту деятельность назвать нельзя, поскольку еще не сложилась комплексная концепция культурного наследия и, как следствие, осознания необходимости охраны составляющих его памятников. Проводимые манипуляции заключались обычно в простом ремонте поврежденных частей, при этом тех, кто занимался таким «починительством», мало заботил оригинальный облик и аутентичность деталей. Однако с течением времени

ситуация начинает меняться. Как отмечает Юкка Йокилехто, «конфликт в понимании ценности старинной вещи как произведения искусства и как памятника истории, ставший предметом диалектики реставрации, начинает обсуждаться художниками и гуманистами уже с XVI века» [14, р. 16].

Следующим поворотным моментом в истории формирования теоретических основ реставрации стала эпоха Просвещения, и именно к этому времени восходят современные концепции сохранения культурного наследия. Возникновение национальных государств, утверждение веры в прогресс, процессы секуляризации, успехи науки и техники – все это поставило под сомнение казавшиеся вечными и абсолютными ценности. В результате утвердилась новая культурная парадигма, в которой уже иначе воспринимался опыт прошлого. «Помимо исторической, философской, научной и художественной литературы древности, излучавшейся со времен Высокого средневековья и Возрождения, предметом интереса в XVIII столетии становятся археологические памятники, произведения народной культуры, обстоятельные описания путешественниками культур отдаленных неевропейских стран, данные о различных языках, и т. д.» [6, с. 27]. Идеи культурного плюрализма, обоснованные Дж. Вико и И. Г. Гердером, способствовали признанию уникальности и самоценности отдельных наций и культур. Их изучение отныне строилось исходя из принципов историзма и сравнительного анализа, предполагавшего поиск закономерностей, преемственности, сходств и различий. Отсюда прошлое приобрело важное значение как основание национальной идентичности и традиций. В таком контексте изменилось и представление о произведениях искусства и древних артефактах: теперь они считались достойными сохранения, поскольку выступали символами идентичности. Так, например, в эпоху романтизма древнегреческим памятникам и монументам придали устойчивую корреляцию с демократией в качестве ее символа.

Особое внимание к памятникам прошлого потребовало и развития практик их реставрации. Признание одновременно и исторической, и художественной ценности артефактов ставило вопрос о соотношении оригинальных и дополняемых взамен утраченных частей. И уже при совершении реставрационных работ в Риме в XIX веке на таких памятниках, как Арка Тита и Колизей, мастера руководствовались принципом различимости между оригинальными и дополняемыми элементами. Восстанавливаемые части сооружений были выполнены упрощенно из других материалов, что позволяло без труда отличить их от собственно античной структуры, к тому же очищенной от вековых наслоений.

Тем не менее вопрос о превалировании одного из двух аспектов – эстетического и историко-культурного – уже в XIX в. разделил теорию и практику реставрации на два противоположных направления, причем оба эти направления сформировались и развивались под влиянием романтизма и неувядающего интереса к классическому наследию.

Первое – стилистическая, или романтическая, реставрация, связанная с именем французского архитектора и реставратора Эжена Виолле-ле-Дюка, базировалась на идее творческого воссоздания памятника. Целью реставрации было возвращение первоначального облика памятника, в котором видели наивысшую художественную ценность. Однако это не подразумевало ни сохранения текущего состояния объекта реконструкции, ни достижения его подлинного вида. По сути, реставратор работал над воспроизведением памятника в его идеальной форме, которая трактовалась им вольно, исходя из личных представлений об эпохе. Поэтому получаемый реконструированный объект часто мог мало походить на подлинник. Такой подход Э. Виолле-ле-Дюк применял при реставрации стен средневекового архитектурного ансамбля крепости Каркассон во Франции. В результате проведенных работ стены были не просто восстановлены, они подверглись значительным изменениям [14, р. 147–149], получив новую жизнь под в соответствии с художественным видением реставратора.

Другим направлением – противоположным представленному выше – была консервация, или археологическая реставрация. Именно здесь были заложены основы современных научных представлений о работе с объектами культурного наследия. Ключевая задача реставратора состояла в сохранении памятника как *существующего во времени*. Это подразумевало отказ от идеи создания и воплощения некоего идеального образа старинного предмета или сооружения и приоритезацию его исторической подлинности. Один из основоположников этого направления, Джон Рёскин, писал: «поистине величайшая красота здания заключается не в камнях и не в позолоте. Его красота – в его Возрасте и в том глубоком ощущении значительности, суровой задумчивости и таинственного сопереживания, более того – молчаливого одобрения или осуждения, которое мы чувствуем в стенах, которые столь долго омывали, прокатываясь, волны человеческого бытия» [9, с. 276]. Онтология такого подхода основывается на рассмотрении прошлого в контексте его преемственности с настоящим и будущим, но при этом не предполагавшей слепого следования или простого копирования. Рёскин считал, что преодоление времени через искусство требует новаторства и глубокого погружения в контекст современности при одновременном уважении к истории. Такой пиетет перед прошлым и тяга к романтизму заложили основы для консервации древних сооружений и руин в существующем на данный момент виде. Это повлияло и на другие – уже современные виды искусства, не одно столетие захваченные эстетикой руин.

Компромиссных взглядов придерживался итальянский архитектор и реставратор Камило Бойто, внесший немалый вклад в теорию реставрации. Он критически относился как к идеям Вайоле-ле-Дюка, так и Рёскина, поскольку считал стилистическую реставрацию, по сути, фальсификацией подлинника, а в случае консервации полагал, что это приведет не к сохра-

нению, а к разрушению памятника. Бойто предложил собственную, во многом инновационную концепцию, разработанную не без влияния историзма. Ее суть заключалась, во-первых, во внимательном изучении исторических документов и свидетельств при реставрационной работе, а во-вторых – в понимании памятника как живого свидетельства прошлого, что допускало определенные переделки деталей, гармонично сочетающихся с оригиналом, но при этом легко отличимых.

Что же касается последующего развития реставрационных стратегий, то, как отмечает А. С. Шумилкин, «в контексте и взаимодействии этих направлений происходила дальнейшая дифференциация реставрационных подходов и приемов вплоть до начала XXI в.» [12, с. 33]. Ключевым фактором, задающим логику их сближения или, наоборот, расхождения, был вопрос о ценностях. Ведь, по сути, выбор той или иной стратегии, был обусловлен господствующей в какой-то определенный период системой ценностей. Последняя, в свою очередь, не является раз и навсегда установленным набором представлений и установок. Этот набор изменяется от эпохи к эпохе под влиянием происходящих политических, экономических и социокультурных трансформаций. М. Фуко, например, пишет, что в современности «ценность более не определяется, как это было в классическую эпоху, на основе единой системы эквивалентов и способности товаров представлять друг друга. Ценность перестала быть знаком, она стала продуктом» [13, р. 277]. А в ситуации, когда ценности, будучи опосредованными, доступны к обращению, возрастает их значение, а в экономическом смысле – стоимость. Так, устанавливается представление, согласно которому культурное наследие – в его материальной и духовной форме – превращается в «активный элемент конституирования человеческих сообществ, способствующий их модернизации и динамичному развитию» [2, с. 11]. Это сопровождается необходимостью заботы о культурном наследии, все большей увлеченностью сбором и коллекционированием артефактов и произведений искусства, появлением музеев и развитием культурного туризма. Постепенно эти направления деятельности институализируются, приобретают различные формы, в том числе государственного и общественного контроля и регулирования.

Реставрационная деятельность стала принимать все больший размах и даже преодолела национальные границы. В XX веке во Франции (Центр исследований и реставрации музеев Франции), Италии (Центральный институт реставрации в Риме), Великобритании (реставрационные лаборатории при музеях и университетах), России (Российский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева), Японии (Национальный институт исследования культурного наследия), Бельгии (Королевский институт культурного наследия) и других странах появились крупные и знаменитые научно-исследовательские центры, занимающиеся как охраной культурного наследия, как и вопросами его реставрации. В прошлом столетии также

была положена традиция проведения международных конференций по данной проблематике, а прошедшие масштабные и разрушительные войны привели к осознанию необходимости выработки уже правовых мер защиты объектов культурного наследия в случае вооруженных конфликтов [4; 5].

Однако как озабоченность сохранением культурного наследия, так и внедрение в эту деятельность актуальных достижений науки и техники все же не привели к выработке какого-то унифицированного и согласованного подхода в реставрации.

Так, в послевоенный период господствующей стала теория «критической реставрации», во многом связанная с именем итальянского реставратора Чезаре Бранди. Он отмечал диалектический характер реставрации, заключающийся в интерпретации двух аспектов произведения искусства – исторического и эстетического. «Реставрация, – писал Бранди, – должна стремиться к восстановлению потенциальной целостности произведения искусства при условии, что ее результатом не должно быть появление художественной или эстетической подделки (новодела), и при условии, что она не должна уничтожить всех следов жизни произведения в прошедшем с момента его создания времени» [1, с. 33]. В основу этой концепции был положен принцип детального рассмотрения уникальности каждого памятника, что подразумевало невозможность применения каких-то заранее установленных принципов. Работы в этом случае требуют адаптированного под каждый объект подхода, при котором ключевыми являются глубокое понимание реставратором исторического и художественного контекста и момента создания произведения, и его последующего существования. При поиске конкретных решений при реставрации, допускающих небольшие и обратимые вмешательства, таким образом, важно обратиться к критическому выбору ценностей произведения.

Несколько позже приобретает популярность теория консервации, которая отдает приоритет подлинности как ключевой ценности исторического объекта. Согласно этой теории, при проведении реставрационных работ критически важно сохранить существующие на данный момент времени части памятника, а вынужденные дополнения и вмешательства должны быть явными и отличимыми.

Тем не менее, между сторонниками различных концепций до сих пор возникают противоречия. Это говорит о том, что попытки выработать какой-то абсолютный подход изначально обречены на неудачу. К тому же, такое положение обусловлено сложностью и многоаспектностью работы по сохранению и реставрации объектов культурного наследия. Ведь вызовы современности, включая войны [10], контрабанду ценностей и др., требуют комплексного подхода, учитывающего конкретные обстоятельства.

Стоит сказать и о том, что многие аспекты реставрационной работы зависят не только от чисто внутренних – технологических – процессов и их

интерпретации. Как уже было отмечено выше, ключевое значение для трансформации статуса культурного наследия имеет изменение его ценностной нагрузки. С. Ю. Каменский, например, предлагает выделять три исторические парадигмы отношения к культурному наследию: «отсутствие «прошлого»», «память-преемственность» и «культурный диалог» [3, с. 12]. Остановимся более подробно на второй. Сформировавшаяся в обществе модерна, это парадигма устанавливала особую важность памяти, источником которой, в свою очередь, является культурное наследие. Тут можно обратиться к концепции памяти французского историка Пьера Нора. Продолжая заложенную М. Хальбваксом линию социальной обусловленности памяти, Нора, во-первых, говорит о памяти как вечно переживаемой связи прошлого и настоящего, а во-вторых – о ее кристаллизации в разнообразных формах – «местах памяти», посредством которых сообщества воображают себя в различных репрезентативных модусах. «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти (живой традиции памяти – *прим. авторы статьи*) нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [8, с. 26]. Иными словами, нужно создавать и сохранять культурное наследие. В этом контексте реставрация приобретает подчинительное положение, надеется «обслуживающей функцией» [7, с. 321], отвечая задачам социального заказа, легитимации власти и господствующих идеологических установок. Другой проблемой, безусловно, является растущая коммодификация объектов культурного наследия, в результате которой их ценность как рыночная стоимость скорее соотносится с эстетичностью и физической целостностью.

Закономерным завершением рассмотрения представленных подходов станет вопрос о том, какие же из них окажутся наиболее продуктивными в сегодняшней практике. Особенно актуально этот вопрос звучит относительно сохранения и восстановления материального культурного наследия древности, которого по ряду причин либо уже утрачено, либо находится на грани исчезновения. Одним из таких мест на планете является Сирия, на территории которой возникало и пересекалось множество цивилизаций, оставивших свой след во всемирной истории. Это делает сирийскую землю «вратами в историю» и придает вопросу сохранения находящихся там исторических памятников поистине мировое значение. Шесть известных сирийских историко-археологических памятников включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, однако общий перечень объектов (памятников и зданий), свидетельствующих о разных эпохах о представляющих историческую ценность, значительно шире – и насчитывает несколько сотен.

Хотя Сирия и стала одной из первых стран в мире, ратифицировавших международные соглашения о сохранении культурного наследия и борьбе с его незаконным оборотом, созданные под эгидой ЮНЕСКО, тем менее

сложившаяся в стране социально-политическая ситуация крайне негативно отразилась на состоянии исторических памятников. Целенаправленное разрушение, незаконные раскопки и систематическое разграбление сирийских археологических и исторических объектов, осуществляемые антикварными бандами и вооруженными террористическими организациями во время войны в Сирии, были направлены на уничтожение ее культурного богатства, ослабление чувства идентичности, потерю важной части мирового наследия и утрату знаний об истории человечества. Так, например, одним из наиболее ярких примеров варварского уничтожения памятников истории было разрушение в 2015 году Триумфальной арки, входящей в комплекс древнего Храма Баала в Пальмире.

Сегодня, несмотря на то что интенсивность боевых действий в Сирии значительно снизилась, счет потерь среди исторических памятников продолжает увеличиваться, обескровливая тем самым мировую культуру. В этой связи встает вопрос о задачах современных специалистов по сохранению и охраны культурного наследия. По сути, здесь можно обозначить две наиболее важные задачи. Первая касается сохранения исторических памятников посредством защиты, охраны и предотвращения его разрушения или кражи; восстановления, обслуживания, укрепления и спасения от всех опасностей или повреждений при сохранении максимальной аутентичности; инвентаризации, и сбора научной информации. Только выполнив эти задачи, можно идти дальше, осуществлять актуализацию наследия через научные, образовательные и культурные мероприятия и раскрытие его места в культуре. Только такой комплексный подход позволит интегрировать культурное наследие в нашу актуальную жизнь, связав тем самым прошлое, настоящее и будущее.

По сей день продолжают обсуждения как в узком смысле – в реставрационной практике, так и в более широком – в философском и культурологическом дискурсе – целей и задач реставрации в деле охраны культурного наследия. Безусловно одно: уделяя особое внимание изучению социокультурного контекста и воспринимая объект реставрации как носитель памяти, можно найти баланс между «аурой подлинности» (В. Беньямин) и его культурным значением.

Список литературы

1. *Бранди Ч.* Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации = Teoria del restauro e altri scritti su tutela, conservazione e restauro. Firenze: Nardini, 2011. 264 с.
2. *Горлова И. И., Зорин А. Л.* О трактовке понятия «культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы // Культурное наследие России. 2020. № 3(30). С. 3–13.

3. *Каменский С. Ю.* Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 26 с.
4. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 года // Веб-сайт Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.html>
5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж, 16 ноября 1972 года // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml
6. Культурология: учебное пособие / Под научн. ред. проф. Г. В. Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 570 с.
7. *Москвина И. К.* Современные концепции реставрации в культурологическом дискурсе // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6, № 5 А. С. 317–324.
8. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
9. *Рёскин Дж.* Семь светочей архитектуры. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. 316 с.
10. *Сали А., Паниотова Т. С.* Защита культурных ценностей в ситуации вооруженных конфликтов // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2023. Т. 48, № 4. С. 780–790.
11. *Сандомирская И.* *Paŝt discontinuous*: фрагменты реставрации. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 520 с.
12. *Шумилкин А. С.* Эволюция приемов и формирование теоретической модели реставрации памятников архитектуры // *Наследие и современность.* 2023. Т. 6, № 1. С. 31–41.
13. *Foucault M.* *The Order of Things: an Archaeology of the Human Sciences.* London and New York: Routledge, 2005. 448 p.
14. *Jukilehto J.* *History of Architectural Conservation.* Oxford: Butterworth-Heinemann, 1999. 354 + xiv pp.